

...

Капабланка вдруг пошел королевской пешкой и не смог пробить белыми французскую защиту Алехина — кубинец вообще плохо себя чувствовал при таком варианте дебюта. По ходу игры чемпион упустил пешку, а затем впервые в жизни капитулировал в партии с Алехиным, да еще и белым цветом. Что характерно, Капабланку тут же стали возить по разным знаковым местам Буэнос-Айреса, в том числе в «город лип» Ла-Плату (его основал масон Дардо Роча; кстати, вскоре после матча Алехин тоже пополнил ряды тайного сообщества). В Ла-Плате чемпион общался с местными знаменитостями, ходил в музей, искушался шампанским. Алехин, что не удивительно, отказался от официально-увеселительного мероприятия. В этом и была разница между шахматистами, которая сохранилась до конца дуэли. Вскоре после стартового фиаско кубинец принизил неожиданный успех претендента, заявив, что однажды уже уступал по ходу матча — Хуану Корзо, что не помешало стать чемпионом Кубы. В дальнейшем Капа больше никогда в этом поединке не начинал с хода королевской пешкой. Да и вообще дебюты разыгрывались теперь одинаковые — в 32 партиях из 34 (!) был применен ферзевый гамбит.

С тех пор Капа вроде бы все так же быстро думал за доской и двигал фигуры стремительнее, чем Алехин, вот только отныне эта кажущаяся уверенность в себе не подкреплялась привычным шахматным доминированием. Хосе Рауль часто заносил руку над фигурой, но не решался ее тронуть, сомневаясь в себе, в своей божественной интуиции. Иногда его ладонь в последний момент двигалась к другой фигуре, что раздражало Алехина — трещинки между ними стали накапливаться, пока фундамент их прежде уважительных отношений не обрушился.

Однако в третьей партии Капабланка, хранивший в кармане свой талисман, — пешку — взял реванш. Алехин к тому времени сбавил обороты, и на то нашлась причина: воспалилась надкостница, из-за чего претендент испытывал силь-

нейшую боль в верхней челюсти. Ему пришлось взять больничный перерыв и посетить аргентинского доктора Хосе Дуэнаса, который удалил пациенту шесть зубов! У Алехина и раньше случались проблемы с зубами, которые мешали играть, но в этот раз сильнейшая инфекция едва не привела к срыву поединка. Суеверный Алехин наверняка обратил внимание на количество вырванных дантистом зубов — именно шесть партий ему надо было выиграть, чтобы стать четвертым чемпионом мира. Значит, он уже авансом положил на жертвенный алтарь по одному зубу за каждую победу.

На остатке плохого самочувствия Алехина чемпион выиграл седьмую партию — и вышел вперед в счете, 2:1. Теперь матч складывался по тому сценарию, который ждали аналитики. Все те «пророки» — Ефим Боголюбов, Арон Нимцович, Зигберт Тарраш, могли тешить свое самолюбие, обращаясь к почтенной шахматной публике со словами: «Ну я же говорю!». Если бы они только знали, что в следующих 27 партиях кубинец победит лишь раз...

11-я партия стала чередой ошибок, и больше в созидательной части преуспел Алехин, который своими нестандартными действиями вынудил белые фигуры кубинца капитулировать. И не просто сдаться — чемпион доиграл почти до мата, явление редчайшее в шахматах. Капабланка нашел в себе силы похвалить конкурента, отметив, что он входит в число трех лучших шахматистов мира. И тут же проиграл снова — хотя мог даже победить (вновь оба на волнении допускали полудетские промашки), — после чего выглядел совершенно растерянным. Вперед по победам опять вырвался Алехин — 3:2.

Два поражения подряд — это оказалось слишком серьезным ударом, такого с кубинцем почти никогда не случалось. Оказавшись в состоянии грогги*, Капабланка постепенно приходил в себя, как ящерица, потерявшая хвост. Он начал сводить партии к ничьей, даже когда у него появлялось преи-

* Состояние временной потери боеспособности после полученного удара в подбородок. — *Прим. изд.*

мушество. Если раньше ему было достаточно слегка скovyрнуть ранку соперника, чтобы тут же впрыснуть в нее яд, который доводил до смерти, то теперь этот четкий, совершенный механизм убийцы больше не работал. Даже решение чаще играть в теннис, чем ходить по увеселительным заведениям, не помогло Капабланке. Требовалась база, тщательная мозговая подготовка к матчу, к конкретному сопернику, без этого чудо никак не происходило. Если на турнирах Капабланка встречал слабых или неуверенных в себе визави, которых удавалось проходить на классе, то Алехин оказался слишком крепким соперником, чтобы на дистанции бить его одной лишь голой интуицией.

В матче все чаще возникали неприятные инциденты, которые нервировали обоих. Несколько партий, согласно договоренности, прошли в зале *Jockey Club*, и участники матча неизменно жаловались на шум, который отвлекал их от борьбы. «Некоторые поклонники заведения забыли в пылу своей любви к благородной игре о тишине, которую следует соблюдать в матче такого рода, — писала *Critica*, популярная аргентинская газета. — Они не обращали внимания на сигналы, шипение, с помощью которых их призывали к молчанию. И добрый доктор Алехин (...) стал грудой нервов, находясь в постоянном напряжении. Он мог ударить током добрую половину человечества. Поэтому мы не должны удивляться, что спортивные эмоции в *Jockey Club* привели его в неопишваемое нервное состояние. Нам даже показалось, что мы увидели, как из него сыпятся искры. Затем судья матча приостановил борьбу на четверть часа, пока не стихло это выразительное бормотание».

Настроение Капабланки неуклонно менялось к худшему. Он часто шептал что-то про себя, как будто не верил в то, что происходило на доске, не верил, как же он мог так скверно играть. В несвойственной для себя манере кубинец надолго уходил в себя, задумывался над сложными позициями иногда даже глубже и дольше, чем Алехин. А бесконечные ничьи начинали предсказуемо раздражать болельщиков (и не только). Все чаще участников матча сравнивали с лесорубами — ничья в переводе с испанского означает также и «дерево» (*tablas*).

Не мудрено, что появилась насмешливая заметка журналиста Леона Мирласа в *La Epoca*: «Шахматная публика, несомненно, страдает от тех же недостатков рода человеческого. Внутри шахматиста, как бы он ни любил благородный вид спорта, всегда сидит индивид, чувствительный к скуке. <...> Когда случается одна ничья, потом — другая, и сериал продолжается... невозмутимого любителя сменяет нетерпеливый зритель. И начинаются волнения. Буэнос-Айрес — город, жадный до шоу, до нерва. <...> В Аргентинский клуб уже почти не ходят, журналисты тоже не подают заявки на участие»⁶. Даже помощник Алехина аргентинец Роберто Грау не удержался от едких замечаний в интервью *La Nacion*: «В основном, ничьи не имеют приятного вкуса, который обычно придают игре агрессивные действия, сложная стратегия. <...>. Когда два игрока просто пытаются не проиграть, ничья является логичным следствием того недостатка энергии, который у них есть». Капабланка, который сам предвещал ничейную смерть шахмат, предлагая срочно менять формат игры, охотно расписывал в Буэнос-Айресе паритеты, надеясь, что в какой-то момент наступит перелом, и он начнет делать фарш из игровых замыслов своего оппонента. Даже в лояльной кубинской печати появились карикатуры, на которых Хосе Рауль нес на голове и руках громоздкие доски. СССР тоже не обошел вниманием ничейный аспект противостояния. Вот что говорил Николай Крыленко на V Всесоюзном шахматно-шашечном съезде 10-12 октября 1927 года: «Типичный пример — матч Алехина и Капабланки, протекающий сейчас, с его бесконечными “вничью”, с осторожностью с обеих сторон, с постоянной мыслью, как бы не проиграть, как бы не потерять тех денег, из-за которых они играют. И все же, кто ждал от этого матча больших достижений, должны были разочароваться. Я думаю, это целиком объясняется именно конструкцией индивидуальных состязаний, где главную роль играет спортивный азарт, деньги, а не искусство, когда “игроки” превращаются в обыкновенный циркачей, выжидающих момент, когда можно ловким, удачным ударом положить противника»⁷.

Матч на первенство по шахматам между Хосе Раулем Капабланкой и Александром Алехиным, 1927 год

Лишь в 21-й партии произошла долгожданная смерть одного из королей — Алехин совершил сокрушительный удар по чемпиону в конце нервной игры, сделав счет 4:2. «Снова казалось превосходство Алехина в оценке сложных, динамичных положений, в соединении позиционных и тактических идей, точнее — тех самых трех факторов (материал, время и качество позиции). <...> В запутанных, неопределившихся ситуациях с обоюдными слабостями гениальная интуиция Капабланки давала сбой, и он начинал терять нить игры. Алехин мыслил более нестандартно, тонко следил за соотношением слабостей и за тем, какие фигуры надо разменять, а какие — сохранить. Это был серьезный шаг вперед в развитии шахматной мысли, и Капа оказался к нему не готов», — писал 13-й чемпион мира Гарри Каспаров в книге «Мои великие предшественники»⁸.

Кубинец, который вроде потихоньку набирал силу после серии ничьих, снова начал западать в штопор. Мигель Санчес в биографии Хосе Рауля писал: «Капабланка уронил руки на колени и прошептал: “Я не знаю, что со мной происходит”».

Это был не первый раз, когда он делал подобные заявления. После этого некоторые утверждали, что он был болен, но никто не приводил конкретных доказательств. Вполне вероятно, что примерно в это время кубинец страдал от высокого кровяного давления, отсюда и его неоднократные упоминания о том, что он упускал правильный порядок ходов. Менее чем через два года, во время турнира в Карловых Варах, врач Любомир Май назначил ему лечение. Но в последующих заявлениях Капабланка подразумевал, что врач не поставил ему правильного диагноза»⁹.

В *Critica* писали, что Капабланка по ходу проигранной партии задумался над очередным ходом на 34 минуты, постепенно его позиция ухудшалась, и после игры, в которой он впервые думал дольше соперника, кубинец отправился в туалет, где долго вытирал лоб влажными салфетками, настолько партия его вымотала (заодно поправил прическу — а как же). Обсудив игру с друзьями, чемпион пришел в себя, после чего... отправился играть в домино — по внешнему виду складывалось ощущение, что он вовсе и не проиграл важнейшую партию — напротив, выглядел свежим, веселым, спокойным. Журналист *Critica* Амелькар Селайя, заставший его и на следующий день в хорошем расположении духа, писал в отчете: «Лишний раз убедились, что шахматы имеют малое значение в его жизни, хоть он и стал лучшим в мире в этой игре». Дописав заказную статью в присутствии Селайи, Капа откланялся, поскольку его вызвали на прогулку. «Пойду куда угодно», — отрапортовал он по телефону голосом матерого кутежника. Алехин тоже поговорил с журналистами: «Мне нечего сказать. Игра говорит сама за себя. Я думаю, это лучшая моя партия здесь». Не зря Капа после очередного поражения наконец признал, что, вероятно, не было в мире соперника сильнее Алехина.

27 октября аргентинский шахматист Хулио Линч, восхищенный успехами Алехина, написал заметку, сравнив соперников по матчу с американскими боксерами. Он напомнил о легендарном бое между чемпионом мира Джеком Демпси и скромным претендентом Джином Танни. Все считали, что легкую победу одержит великий Демпси, и когда он драма-

тично проиграл, отказывались принимать поражение — проще было думать, что экс-чемпиона травили, подмешивая ему что-то в воду прямо по ходу поединка. Подобные скандалы на столь высоком уровне происходили и после смерти участников шахматного матча в Буэнос-Айресе — например, во время первого поединка Сонни Листона с Мохаммедом Али (тогда еще Кассиусом Клеем), когда последний на время потерял зрение (позже команду Листона обвиняли в грязной игре, что они нанесли боксеру на лицо субстанцию, которая, попав на глаза Али, начала разъедать его слизистую), но даже это не уберегло хитреца Листона от трепки и потери титула.

«Алехин одержал четвертую победу мастерски, играя с чемпионской солидностью и четкостью, — писал Линч. — <...> Нельзя сравнивать амбиции того, кто хочет завоевать титул, и того, кто пытается его защитить. Стремление к завоеванию гораздо мощнее, чем стремление к сопротивлению. Капабланка был когда-то восходящим солнцем, теперь оказался на линии заката. Следует учесть и интеллект, украшающий доктора Алехина, тонкости его внутренней культуры, которая проявляется в вежливости, скромности, простоте, уважении. <...> С другой стороны, друзья — страстные или слепые поклонники чемпиона — создали атмосферу насилия, которая не помогает Капабланке. Его собственный отказ журналисту, выбранному коллегами для присутствия в игровом зале, и еще тысяча таких ситуаций, спровоцировали появление враждебности по отношению к Капабланке, укоренение его непопулярности, которую он ощущает даже во взглядах зрителей. <...> Страстные идолопоклонники чемпиона, которые приписывали ему лавры сверхчеловека, истинного шахматного мифа, кого-то вроде Будды за доской, были как будто поражены молнией. Реальность показала им, что они прискорбно обмануты. У них возникло ощущение, что они выходят из глубокого сна, из тропического оцепенения... Мы же были единственными, кто верил в торжество славянского мастера. Мы решительно заявляли еще 22 сентября, что Танни снова победит Демпси. Нет ничего более отвратительного, чем рутинный, проторенный путь, слепое

подчинение суждениям других. Мы считаем, что ценности должны меняться, необходимо развитие. По этой причине мы думали, что Ганни должен победить Демпси, и полагали, что у Алехина нет серьезных причин не победить Капабланку. И мы не ошибались»¹⁰.

Александр Александрович настолько приободрился после четвертой победы в матче, что перед стартом 22-й партии позволил себе отвлечься от шахмат на разговор с журналистом о катастрофе итальянского парохода *Principessa Mafalda* у бразильских берегов (25 октября). Судно направлялось в Буэнос-Айрес с 250 000 золотых лир на борту для аргентинского правительства. Экипаж отпраздновал пересечение Экватора оркестром и гигантским тортом, но в результате инцидента сломался ходовой винт, корпус дал течь, погибло 314 человек. Гроссмейстер, который сам регулярно совершал путешествия на пароходах, выразил недоумение, почему за пять часов не были грамотно организованы спасательные работы. Сам-то он, конечно, вытаскивал «затонувшие» позиции куда быстрее.

Капабланка по ходу 22-й игры «ласково поздоровался с экс-президентом Чили Алессандри», будто и не отставал в счете. Алехин шикнул на политика, поскольку тот отвлекал разговорами, за что потом претенденту пришлось извиняться — он просто не знал, к кому обращался. «Помимо уважения к нему как к знаковой личности, я испытываю симпатию к человеку, которого изгнали по политическим причинам», — подчеркнул шахматист, сам вынужденный жить вдали от родины.

Алехин, человек более азартный и смелый за доской, чем прагматик до мозга костей Капабланка, пошел в этой партии ва-банк, пожертвовав слона. Он владел инициативой, заставлял Капу ошибаться. Опоздав на 15 минут к отложенной на три дня позиции, кубинец под возгласы возмущения Алехина проследовал в отдельное помещение, чтобы подумать. Александр Александрович счел позицию победной; на крыше отеля, где был организован сад, претендент во время паузы проанализировал более сотни удачных вариантов продолжения игры, которые любезно записывала в блокнот его су-

пруга Надин, и потому излучал оптимизм. Хосе Рауль провел в комнате 53 минуты, раздумывая над стратегией, способной улучшить позицию. Он тоже мог изучить варианты во время трехдневной паузы, но очевидно, нашел более важные дела. Девиз: «Работа — на работе» очень ему подходил. Но когда матч «подвис», и чемпион рисковал убийственным счетом 2:5, требовалось взять себя в руки, однако кубинец этого не сделал.

В итоге чемпион все-таки соскочил с крюка, поскольку его соперник допустил погрешность в расчетах. После окончания игры Алехин возмутился, что Капабланка почти час просидел один в комнате (хоть его игровое время и шло), а также заявил о недопустимости проживания кубинца в доме Карлоса Керенсио, арбитра матча. Керенсио лишь пожал плечами — правил, которые бы запрещали подобное, не существовало. Затем Алехина спросили, как же он собирался выигрывать 22-ю партию, и он не смог толком объяснить, а потом резко встал из-за стола и ушел, едва держась на ногах. На лестнице Алехин крепко хватался за поручень, чтобы не скатиться по ступенькам — ноги его не слушались. Ему также понадобилась помощь Надежды, которая встретила изможденного супруга в холле и придерживала его на выходе из здания под руки. Когда Капабланка спустился на первый этаж, его наградили за чудесное спасение аплодисментами. Он воскликнул: «Так я играл раньше!»

То есть, быть лидером в матче против Капабланки Алехин мог за счет интенсивной, безостановочной работы ума, но это требовало больших энергозатрат, и иногда претендент элементарно выбивался из сил. В матче наступил отрезок, когда Капабланка несколько воспрял духом, а кондиции Алехина оставляли желать лучшего. В некоторых последующих партиях у кубинца имелись основания сожалеть об упущенных перспективах. Так, в 27-й чемпион допустил грубый «зевок», когда все уже думали — позиция Алехина мертва, а в 28-й над одним из ходов претендент думал почти два часа, поскольку положение стало критическим, но выкрутился. И все же Капа сократил отставание до минимума. Боевиковая, изнурительная 29-я партия, в которой Алехин не хотел сдаваться и затягивал игру,

проявляя чудеса в обороне, пока не загнал себя в угол фатальной ошибкой, завершилась на 70-м ходу. Алехин счел свою защиту в этой партии лучшей за матч (наряду с 17-й игрой). Он остался в лидерах, но с минимальным перевесом, 4:3.

Тут же Капабланка едва счет не уравнил — Ласкер говорил, что исключительная сила кубинца заключалась в способности находить слабые пункты соперника, налегать на них всеми силами, и брать свое, но в этот раз, когда он вроде захватывал инициативу, что-то не срасталось, он словно ослеп, не замечая, как выигрыш маячит буквально перед носом. 31-я партия, где он мог сорвать звезду с неба, игралась на ножах: у Капабланки имелась лишняя пешка, и он просмотрел выигрыш в окончании... У него было время подумать над ухудшенным, но все еще интересным положением, когда партию отложили. Но интересовало его совсем другое. Кубинец попросил, чтобы ему дали возможность отпраздновать 39-й день рождения и продлили перерыв! Вместо того, чтобы анализировать отложенную партию в спокойной обстановке, он наверняка кутил — хотя аналитики признали, что у него сохранялся шанс на победу, нужно было только хорошенько подумать. Доигрывание завершилось быстро, Капабланка согласился на ничью. А ведь Хосе Рауль мог сделать счет «по четырем»! Есть версия, что по договоренности соперников матч останавливался при счете 5:5, с сохранением титула за Капабланкой, хотя такого пункта в лондонских соглашениях и не было. Так что разочарование Капы можно себе представить, ведь при счете 4:4 у Алехина не оставалось права на ошибку.

В 32-й, пятой проигрышной партии чемпиона, у Хосе Рауля имелись некие просветления, однако постепенно кубинец снова погрузился во мрак сомнений, выдохнувшись к своему любимому эндшпилю — в нем он «поплыл» и довел дело до очередного поражения (3:5).

В предпоследней партии Капабланка, играя белыми, расписался в собственной беспомощности уже на 18-м ходу (ничья) — характер чемпиона не пылал, а лишь слабенько тлел. Сам Алехин вспоминал, что выражение лица соперника показывало — исход матча предрешен.

26 ноября состоялась 34-я игра, которая решила все. Алехин рассчитывал на магию числа «26», которое нарек счастливым. Видимо, сработал дуэт «подкова + число», потому что к первому перерыву в партии сложилась ситуация, когда только отчаянный оптимист мог поставить на Капабланку — это как если бы одноименный жеребец аргентинского заводчика вдруг споткнулся и упал на дистанции, пока конь «Алехин» на всех парах мчался к финишу. Но вера в Капу была еще велика, его считали магом, способным произнести защитное заклинание и выстоять даже в столь скверной обстановке. Однако ко второму перерыву хромой жеребец снова упал, сломав уже ногу. Капабланка не нашел в себе сил официально признать поражение и покинул зал, оставив Алехина в крайне возбужденном состоянии. Его нервы накалились до предела, он оказался на расстоянии вытянутой руки от короны, которую так не хотел снимать с себя Капабланка.

Встретив Надежду по пути на улицу, кубинец успокоил бледную женщину, поздравив с триумфом ее мужа — галантность по отношению к дамам сохранялась в нем до последнего. Он уехал в апартаменты судьи Кверенсио, где провел тяжелую ночь, а наутро сел писать статью для *New York Times* (теперь ему надо было собирать деньги на матч-реванш). К поверженному королю зашел репортер *Critica*, Капабланка невозмутимо ответил на все вопросы. В том числе сообщил, что направил записку в зал, где неумолимо подходил к концу матч.

Вот что было написано в «отречении Капабланки от престола»: «Дорогой доктор Алехин. Я сдаю эту партию. Таким образом, Вы — чемпион мира. И я поздравляю Вас с этим достижением. Мои комплименты мадам Алехиной. Искренне Ваш Хосе Рауль Капабланка»¹¹. Пока текст зачитывали, Алехин сидел в кресле и не сводил глаз с доски, где фигуры находились в финальной расстановке. А затем зал завибрировал от нескончаемых оваций.

Матч длился два с половиной месяца. Организаторы наконец-то смогли выдохнуть с облегчением — им пришлось потратить на шахматное действо 40 000 песо. В какой-то момент у них даже возникли сомнения, потянут ли они та-